

Д.К. Стожко, К.П. Стожко, Н.Н. Целищев

АКСИОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ: ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Рассматривается вопрос о ценностной детерминации современного экономического сознания и роли различных систем ценностей в развитии экономического образования и культуры хозяйствования. Аксиологическая обусловленность хозяйственной практики трактуется авторами как антитеза современным модернистским идеям спонтанного саморазвития (аутопайезиса) и связывается с ограниченностью ресурсов, необходимых для экономического роста. Отсюда делается вывод о необходимости адаптивного и культурологического подхода к выстраиванию экономической деятельности хозяйствующих субъектов.

Обосновывается идея о целесообразности опоры на национальные ценностные приоритеты в развитии системы экономического образования и осуществлении экономической политики. С социально-философских и цивилизационно-культурологических позиций раскрывается ценностная иерархия различных хозяйственных цивилизаций. Особое внимание уделяется проблематике разработки модели человека как субъекта хозяйственной практики. Аргументируется вывод о несоответствии либеральной неоклассической модели «экономического человека» современным условиям и национальным особенностям. Рассмотрена проблема разработки новой теоретико-методологической модели хозяйственного поведения человека в условиях нарастающих рисков и неопределенности.

Ключевые слова: *аксиология, духовный код, модель хозяйствования, модель «экономического человека», ценности, экономическое образование, экономическое сознание, экономическое мышление.*

Экономическая наука – это наука *гуманитарная*, т.е. наука *о человеке*. На разных уровнях социальной онтологии (личностном, межличностном, групповом, национальном, глобальном) она исследует феномен человека как субъекта хозяйственной деятельности, а именно: его интересы, потребности, способы их удовлетворения, хозяйственное поведение. В рамках современных теорий общественного выбора, рациональных ожиданий, человеческого капитала современная экономическая мысль продолжает изучение важнейших сфер хозяйственной жизни общества: производства, обмена, распределения и потребления.

© Стожко Д.К., Стожко К.П., Целищев Н.Н., 2017

Стожко Дмитрий Константинович – канд. филос. наук, доцент кафедры общей и экономической истории ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», e-mail: d.k.stozhko@mail.ru.

Стожко Константин Петрович – д-р ист. наук, канд. экон. наук, профессор, завкафедрой экономики и организации предприятий ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», e-mail: kostskp@mail.ru.

Целищев Николай Николаевич – заслуженный работник высшей школы РФ, д-р филос. наук, профессор кафедры управления и права ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», e-mail: tselischevnn@ya.ru.

Определенной альтернативой экономическому неоклассицизму, представленному политическим либерализмом, выступает сегодня современная поведенческая экономика (*behavioural economics*). Это направление считается весьма перспективным. Оно составляет альтернативу господствующей с 1980 года концепции экономического либерализма. Прежде всего потому, что представители этого направления пытаются моделировать «истинное поведение людей, отвергая доминирующее неоклассическое предположение о том, что люди всегда действуют рационально и эгоистично» [1, с. 110].

Очевидно, что гедонизм, рационализм и эгоизм отнюдь не исчерпывают хозяйственную мотивацию людей. Однако под натиском западноевропейской либеральной научной мысли многие сегодня об этом как-то позабыли. В российской экономической науке все еще продолжает сохраняться сугубо неоклассическая доминанта, когда отвергается ценностный (аксиологический) подход к изучению актуальных экономических проблем [2].

Это является причиной того, что происходит почти тотальная дегуманизация и дегуманитаризация экономической науки и системы экономического образования, с одной стороны, и инструментализация и индивидуализация, с другой стороны. Свидетельством этого является то обстоятельство, что, например, показатели воспитательной работы в высших учебных заведениях вообще исключены из системы аккредитационных показателей. А ведь, как любая гуманитарная наука, экономическая наука также объективно выполняет (и должна выполнять) свою воспитательную (идеологическую) функцию. И от того, как эта функция ею выполняется (целенаправленно или спонтанно, системно или периодически), во многом зависит качество образования и качество кадров, которые, как известно, «решают все».

Если не заниматься всерьез этой воспитательной функцией экономической науки, то она и «будет служить не пониманию или улучшению экономической системы, а целям тех, кто обладает властью в этой системе» [3, с. 31]. Она и будет формировать искаженный образ экономики, мифологизируя одни ее вопросы и демонизируя другие ее проблемы. Порождая денежный фетишизм и культ потребления в сознании людей, экономическое образование, в котором атрофируется воспитательная функция, будет способствовать аберрации сознания и психологии человека, мистификации всего экономического мышления, когда начинает распространяться «тенденция наделения символов особым, порой мистическим смыслом» [4, с. 375].

Это, в целом, крайне опасная тенденция, поскольку различные экономические частности, такие как деньги, прибыль или польза, приобретают в сознании людей совершенно неадекватное значение. Поэтому не лишним будет напомнить следующее суждение: «мнение о том, что поведение человека продиктовано исключительно стремлением к деньгам – это одно из наиболее ревниво охраняемых упрощений нашей цивилизации» [5, с. 213].

Главная цель этих процессов по мистификации, символизации и мифологизации нашего мышления – это формирование у людей образа «*homo economicus*» – «экономического человека» как наиболее адекватного внешним условиям. Главная цель в рамках этого образа – максимизация прибыли и минимизация затрат. Причем, любой ценой. В этом, собственно, если отбросить словесную шелуху, и заключается столь модная ныне идея конкурентоспособности.

Но вот почему-то ни российская система образования, ни вся российская экономика с ее ресурсной, сырьевой ориентацией никак не могут стать конкурентоспособными. Почему-то экономика, лишенная духовных оснований и нацеленная исключительно на наживу, на обогащение, оказывается порочной в своей основе. Как точно подметил когда-то Г. Маркузе, она сама становится «одномерной» и человек в ней оказывается «одномерным» [6]. Поэтому вполне к месту вспомнить слова С.Н. Булгакова о том, что «экономический материализм, в известной мере, непреодолим», что его «нельзя просто так отвергнуть или опровергнуть», а необходимо «внутренне превзойти» [7, с. 7].

Такое «восхождение» возможно только на почве ценностного мышления, формирования определенного ценностного кода субъектов хозяйствования. И чем более зрелым и исторически состоятельным будет такой код, чем глубже он будет опираться на традицию как эстафету памяти и опыта этноса, тем эффективнее окажется и система экономического образования, и практическая экономика. Потому что только на этой почве можно обеспечить преемственность, поступательность, последовательность и эффективность экономических реформ.

Безусловно, прав был Н.А. Бердяев, когда утверждал, что «завоевание духовности есть главная задача человеческой жизни» [8, с. 320]. Решение этой задачи необходимо осуществлять не постфактум, а в процессе подготовки экономических кадров. И, прежде всего, в процессе их воспитания, формирования у будущих специалистов общей и экономической культуры, современного типа экономического сознания и гражданской позиции.

Для многих уже стало очевидным, что неолиберальная экономическая наука, отталкивающаяся исключительно от идеи рационализма, способствует превращению человека в гедониста и эгоиста, культивирует в нем алчность, стяжательство, карьеризм, разрушает его душу, делает, пользуясь терминологией М. Шелера, «нейтральной» человеческую духовность [9, с. 37]. Тогда как современная поведенческая экономическая теория основывается на понимании ограниченности принципа рациональности, а потому и является альтернативой неоклассической идеи максимизации прибыли. Один из представителей этого направления в современной экономической науке Р.Саймон особое внимание уделял интуиции в экономическом мышлении и поведении и призывал к умеренности в потреблении. Это, в целом, верный подход.

Но помимо интуиции необходима и ценностная определенность сознания и поведения. Ведь, пользуясь словами З. Фрейда, мир интуиции – это огромный океан подсознания, в котором лежит крохотный островок нашего сознания. Но именно этот островок и является той прочной основой, на которой строится и должно строиться само хозяйство, сама реальная экономика. А пустых проектов и умозрительных «открытий» в современной экономической науке – хоть отбавляй. Такая отвлеченная экономическая наука воспринимается сегодня в обществе как «игра чистого разума», далекая от обыденной и насыщенной повседневности.

Именно поэтому, на наш взгляд, модель «*homo economics*» оказалась несостоятельной. При этом следует иметь в виду, что модель «*homo economics*» – это модель *западного* человека. Она чужда нам ментально. В рамках этой модели единственная форма социального взаимодействия между людьми – это конкуренция. «Другой человек для него – соперник, конкурент, которого надо одолеть в борьбе. Общество для него – скрытый источник угрозы» [10, с. 111].

Навязывание нам такого сценария социальных отношений либеральной экономической наукой, которое инициировали в конце прошлого века различные зарубежные фонды (Дж. Сороса и др.), способствует разрушению культурного ядра личностного и общественного сознания, подмене традиционных ценностных ориентаций новыми, часто мнимыми и отнюдь не безвредными [11]. И результат такой диверсии – развал кооперации как способа организации хозяйства, упадок экономического самоуправления, неэффективность системы социального, в том числе и государственно-частного, партнерства.

По большому счету, сформировать в нашем обществе повсеместно человека западного типа – «*homo postsovieticus*» – не получилось [10, с. 117]. Потому что англосаксонская экономическая теория постоянно наталкивалась на неприятные провинциальные преграды или, как модно теперь выражаться, институциональные ловушки в виде специфики менталитета, национальной психологии и культуры, региональных особенностей и т.д. Вот чего не учитывают и наши российские сторонники западного неолиберализма.

Мировая экономическая наука, однако, продолжает поиски новой модели хозяйствующего человека. В рамках англосаксонского неолиберализма появилась новая модель человека – «*personal economics*». Эта модель конструируется на основе достижений философии неопозитивизма, экзистенциализма, персонализма, наработок современной феноменологии и герменевтики (Д. Оллперт и др.).

На Востоке формируется совершенно другая модель субъекта хозяйствования. В ее основе лежат традиционные ценности. Например, в Японии основу хозяйственного поведения людей составляют этические ценности. Отсюда высокое качество труда, культуры управления, выпускаемой продук-

ции. Об этом пишут М. Аока, К. Мацусито, А. Масихоко, А. Морита, М. Морисима, Х. Узава, Ф. Фукуяма и др. [12, с. 514–526].

В Индии в основе культурного кода хозяйствования лежат ценности буддизма и кастовой организации общества. Несмотря на растущую открытость экономики этой страны, именно традиционные ценности и институты играют определяющую роль в социально-экономической жизни индийского общества. Об этом пишут такие индийские экономисты, как К. Басу, Р. Батра, Дж. Бхавгати, А. Диксит, П. Бардхан, Н. Дипак, Д. Лал и др. [12, с. 526–536].

Исследуя, в частности, сельские институты (общины, формы землевладения, кастовую структуру, клановую структуру и др.), П. Бардхан выявил влияние этих институтов не только на аграрную экономику, но и на развитие торговли, городское хозяйство, международные связи и т.д. Трудно не признать такое влияние национальных (индийских) институтов на экономическое развитие.

Еще более интересной является модель человека как субъекта хозяйствования, сформировавшаяся в Китае. Представители китайской экономической науки (Хэ Вэй, Чжао Пинцун, Пон Пин, Ло Гэнмо, Сунь Ефань, Дун Фужень и др.) отмечают важность сохранения и развития традиционных ценностей в формировании «социализма с китайской спецификой» [13, с. 236–320]. Роль основных идей конфуцианства в воспитании работников, укреплении трудовой и технологической дисциплины, совершенствовании корпоративных отношений сохраняется и в новом столетии. Начиная еще с проведения компании «ста цветов» в Китае (1957 г.), сакральные и секулярные ценности вполне гармонично сосуществуют и дополняют друг друга.

Тем не менее глобальная экономика, мировая конкуренция и научная интеграция способствовали тому, что в 1980-х годах сформировалась еще одна модель хозяйствующего человека – *человек мира*. Эта модель строилась на таких «ценностях», как *стандартизация, специализация, синхронизация, концентрация, максимизация, централизация* [14, с. 92–117]. К чему привела мировую экономику такая «духовно» ориентированная модель поведения человека – очевидно. Начиная с 2008 года в мире разразился глобальный финансово-экономический кризис. Даже азиатско-тихоокеанские «драконы» столкнулись с падением темпов экономического развития и массой других негативных последствий, не говоря уже о европейских странах или США. Причиной этого, на наш взгляд, является заражение исторически сложившихся морально-нравственных оснований ведения хозяйства новыми вестернами и чуждыми восточным странам «ценностями».

Одним из таких вестернов является неолиберальный код «4i», состоящий из таких «ценностей», как *инвестиции, инновации, инфраструктура и интеграция*. Однако ничего подлинно духовного в этом осовремененном варианте прежнего *индустриального* кода нет. Потому и не спасает он страны

и народы от кризиса. Несмотря на инновации, инвестиции, интеграцию с Евросоюзом, экономика Португалии, Греции или Кипра оказалась в состоянии «запланированного хаоса». Заметно поколеблена фундаментальная для западного общества вера в неприкосновенность и незыблемость частной собственности (например, банковских депозитов). Попытки модернизации современной российской экономики на основе этого кода также оказываются безуспешными.

Анализ мировой экономики свидетельствует о ее колоссальном «перенапряжении». В первую очередь речь идет о «перенапряжении» американской экономики – главного локомотива современного капитализма. Причем речь идет не только о финансовом или экономическом, но и об идеологическом, мировоззренческом «перенапряжении».

Это обстоятельство заставляет США сокращать финансовую поддержку своим сателлитам. А это ведет к снижению темпов их экономического роста. Современный финансово-экономический кризис также не способствует возникновению новых и сохранению старых «экономических чудес». К 2011 году объем только внебиржевого мирового рынка деривативов (по сути, взаимных долговых обязательств) составил около 648 трлн долл. И в последние годы он неуклонно рос. Не говоря уже о биржевом рынке.

Главный должник в мире – США. Крупнейшие держатели американских государственных ценных бумаг в мире постепенно и все настойчивее начинают избавляться от своих высокорискованных «активов». В первую очередь, это делает Китай, в связи с чем отношения между двумя странами переживают, мягко говоря, далеко не лучшее время. Как расценить этот процесс с культурологических позиций, если не как девальвацию «ценностей» западной либеральной неоклассической науки *на практике*.

Государственный долг США в 2016 году составил 19,96 трлн долл., или 116,5 % от ВВП. При этом США за последние десять лет ввязались в тринадцать войн по всему миру и истратили практически впустую свыше 14 трлн долл. Лимит доверия к США у многих его прежних «партнеров» стремительно падает.

Ясно, что ни Вашингтон, ни тем более Брюссель уже не в состоянии по-прежнему финансировать «экономические чудеса» по всему миру. Огромные прямые иностранные инвестиции (ПИИ), которые ранее вкладывались в частности в экономику стран АТР, сегодня неуклонно сокращаются. На очереди страны Европы, которым уже предложено платить больше за свою безопасность в рамках НАТО. То ли еще будет! Западные исследователи уже не надеются на «новую реконкисту», а открыто предрекают «смерть Запада». Признавая при этом, что «западные государства и без того переживают процесс распада культуры на этнической почве» [15, с. 179].

Как оказалось, национальные ценности и интересы – превыше всего! Собственно говоря, это и пытается донести до своих оппонентов и союзников

американский президент Д. Трамп. Будучи сам крупным предпринимателем, он, в отличие от прежней либерально-демократической политической элиты, вполне знаком с проблемами задолженности. В 1990-е годы его компания задолжала 19,8 млрд долл. Но миллиардер с этим долгом «справился». Однако кризис 2008 года стал для него форс-мажором: Д. Трамп подал иск о банкротстве и в 2009 году вышел из состава директоров собственной компании.

В отличие от государственной бюрократии, спускавшей деньги американских налогоплательщиков, по сути, «на ветер» под флагом культа потребления, Д. Трамп вынужден был решать свои проблемы самостоятельно. До поры до времени это получалось. Но вот получится ли политика разумной экономии у США – вопрос открытый. Уж больно привыкла американская бюрократия жить не по средствам, за чужой счет.

Первое, что сделал Д. Трамп на посту президента США, – это аннулировал Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве, со всеми вытекающими из этого последствиями. Его стремление вернуть некогда экспортированное производство в страну, ликвидировать так называемый «ржавый пояс» и стимулировать развитие реального сектора экономики – это в определенном смысле *вызов* и всей неоклассической неолиберальной экономической науке. А наш Центробанк все еще вкладывает народные средства в покупку американских государственных ценных бумаг.

Практика заимствований чуждых нашей истории, культуре, менталитету «ценностей» и установок не позволяет российскому обществу обрести нужную идеологическую основу для собственного успешного хозяйственного развития. Поэтому, на наш взгляд, необходимо обратиться к историческому опыту, накопленному нашей культурой и цивилизацией. К нашему собственному духовному, культурному коду хозяйствования. Среди важнейших компонентов этого кода можно назвать *концепцию культурно-исторических укладов* Н.Я. Данилевского, *типологию хозяйственной истории* Н.К. Михайловского, *философию хозяйства* С.Н. Булгакова, *теорию взаимной помощи* П.А. Кропоткина, *теорию человеческой годности* П.Б. Струве, *социальную теорию кооперации* М.И. Туган-Барановского. А также философские идеи, например, *экософскую концепцию* П.Н. Савицкого, *философию общего дела* Н.Ф. Федорова, *концепцию духовного делания* И.А. Ильина, *идею накопления сил добра* С.Л. Франка, *теономную этику* Н.О. Лосского и многие другие.

Во второй половине XX – начале XXI века проблематика аксиологических оснований российской хозяйственной практики разрабатывалась в работах А.П. Ветошкина, Л.М. Марцевой, Ю.М. Осипова, А.С. Панарина, О.А. Платонова, А.С. Трапезникова и многих других отечественных экономистов, историков и философов [16]. Причем разработка данной проблематики осуществляется в достаточно жестком противостоянии со сторонниками неоклассической теории и идеологами либерализма в нашей стране [17], которые

даже утверждают, что только неоклассическая теория способна решить *все* проблемы социально-экономического развития общества [18, с. 761]. Спрашивается тогда, почему до сих пор она этих проблем не решила?

В последнее время экономисты все чаще соглашаются с тем, что неоклассическая теория находится в кризисе, многие ее постулаты не соответствуют реальной хозяйственной практике, что необходимы серьезные исследования в области философии хозяйства, «хозяйственной нравственности, которая предполагает обязательное соблюдение действующих писанных, т.е. официально принятых, законов общества» [19].

В результате отмечается появление новой экономической науки, которую называют *интегративной экономикой*, поскольку она включает в себя помимо сугубо экономических теоретико-методологических подходов и социально-философские и культурологические основания для анализа хозяйственной деятельности людей.

Среди важнейших ценностных оснований отечественного хозяйствования исследователями выделяются такие, как *соборность (коллективизм), державность (патриотизм), религиозность, традиционализм, солидарность (кооперация), терпимость (смирение), трудолюбие (служение), правдоискательство*. Именно эти ценности лежали прежде и должны быть ныне в основе всего хозяйственного поведения россиян. И это верно, поскольку российская цивилизация, в отличие от западных индивидуалистских цивилизаций, цивилизация коллективистская. Попытки веберизации российской экономической науки не находят, за весьма малым исключением, поддержки в практике реального хозяйствования в силу объективных причин. Рассматривая два основных проекта науки и выстраиваемые ими модели мира, российские философы настаивают на том, что «наука не может состояться вне определенного типа культуры» [20, с. 70].

При этом перед исследователями встает проблема объяснения самого механизма превращения ценностей в нормы поведения людей (институты). Институциональный анализ морфологии современного мировоззрения, в том числе и экономического сознания, свидетельствует о том, что отнюдь не все ценности становятся «руководством к действию» [21]. И многие традиционные ценности оказываются за бортом хозяйственной практики. Это также одно из последствий глобализации, которая вызвала к жизни все еще слабо осмысленные и плохо изученные процессы идеологической бифуркации и формирование новых кросскультурных коммуникаций.

Цивилизационное и культурное взаимодействие – это скорее из области футурологии. А в практике хозяйствования мы наблюдаем «столкновение цивилизаций» (термин С. Хантингтона), острейшую недобросовестную конкурентную борьбу, которая отнюдь не несет народам и странам процветания. «Момент эйфории по окончании “холодной войны” породил иллюзию гармо-

нии, и вскоре оказалось, что это была именно иллюзия. Иллюзия гармонии времен окончания “холодной войны” развеялась...» [22, с. 31].

Это означает, что в современных условиях конструировать новые модели человека как субъекта хозяйствования по принципу слепых заимствований бессмысленно. Потому что «человек никогда не был достаточно умным для того, чтобы сконструировать порядок, который обеспечивает теперь миллиарды представителей его рода средствами существования, ни для того, чтобы понять, что он должен знать, чтобы сделать попытки такого конструирования успешными. Он оказался способным достигнуть этого вследствие покорности традиции» [23, с. 181]. Это весьма символическое признание.

Итак, возврат к традиции в ее широком понимании – это способ преодоления негативных социально-экономических последствий глобализма, с которыми столкнулось и наше общество. *Во-первых*, потому что сам данный процесс вполне укладывается в циклично-волновое толкование процессов экономического развития (М.И. Туган-Барановский, Н.Д. Кондратьев, С. Кузнец, С. Китчин, К. Жюглар и др.). *Во-вторых*, потому что это объективный процесс, подобный возвращению корабля к родным берегам из дальнего плавания. И каким бы ни казался совершенным сам корабль или как бы ни были заманчивы чужие воды, альтернативой возвращению домой может служить только гибель.

Естественно, что духовный код или комплекс ценностных приоритетов в российском обществе не «стоит на месте», он развивается по мере изменений внешних и внутренних факторов, детерминирующих хозяйственную жизнь людей. Глобализация, информатизация, интеграция и многие другие процессы, происходящие в экономике, делают все более актуальными такие ценности, как *социальная ответственность, социальная справедливость, социальная безопасность, социальное взаимодействие* между людьми.

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» подчеркнута: «К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины» [24].

Анализируя возрастающее значение культурных ценностных оснований нашего духовного кода, служащих принципами экономического гуманизма, невольно сталкиваешься с вопросом об этнической самоидентификации. Россия – евразийская страна. Часто то, что справедливо для «восточного» общества, не актуально для «западного» общества. И наоборот.

В этой связи необходимо дальнейшее исследование особенностей менталитета и культуры населяющих нашу страну наций и народов. Поскольку

в этом многообразии нами видится источник дальнейшей разработки эффективного хозяйственно-культурного кода.

Список литературы

1. Ха Джун Чанг. Как устроена экономика: пер. с англ. – М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2017. – 304 с.
2. Тамбовцев В. Миф о «культурном коде» в экономических исследованиях // Вопросы экономики. – 2015. – № 12. – С. 85–106.
3. Гэлбрейт Дж.К. Экономические теории и цели общества: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1979. – 406 с.
4. Стожко К.П. Экономическое сознание. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 426 с.
5. Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество: пер. с англ. – М.: АСТ, 2004. – 602 с.
6. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества: пер. с англ. – М.: REFL-book, 1994. – 386 с.
7. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. – М.: Наука, 1990. – 412 с.
8. Бердяев Н.А. О назначении человека. – М., 1993. – 430 с.
9. Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в современной западной философии. – М., 1988. – С. 31–151.
10. Лившиц Р.Л. Homo postsoveticus: упования и реальность // Мировоззрение и культура: сб. ст. / под ред. В.В. Кима. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. – 508 с.
11. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2005. – 832 с.
12. Стожко К.П., Стожко Д.К. История мировой экономической мысли. – Екатеринбург: Ажур, 2017. – 588 с.
13. Очерки истории советской и китайской экономической мысли / под ред. Л.Д. Широкограда. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1992. – 320 с.
14. Тоффлер Э. Третья волна: пер. с англ. – М.: АСТ, 1999. – 784 с.
15. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада: пер. с англ. – М.: АСТ, 2003. – 444 с.
16. Стожко Д.К., Стожко К.П. История социально-экономической мысли России: XX век. – Екатеринбург: Стягъ, 2014. – 586 с.
17. Райх Р.Б. Послесок. Экономика будущего: пер. с англ. – М.: Карьера Пресс, 2012. – 208 с.
18. История экономических учений / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 784 с.
19. Бочко В.С. Кризис основного течения современной экономической теории: содержание и следствия // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2012. – № 2. – С. 12–20.
20. Чуринов Н.М. Совершенство и свобода. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. – 712 с.

21. Стожко Д.К. Мировоззренческие основы современного институционализма. – Екатеринбург: Стягъ, 2012. – 518 с.
22. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций: пер. с англ. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
23. Хайек Ф. Происхождение и действие нашей морали // ЭКО. – 1991. – № 12. – С. 177–192.
24. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391>.

References

1. Na-Joon Chang. Economics: The user's guide. Pelican Publ., 2014 [Russ. ed.: Kha Dzhun Chang. Как устроена экономика. Moscow, Mann, Ivanov i Farber Publ., 2017, 304 p.].
2. Tambovtsev V. Mif o "kul'turnom kode" v ekonomicheskikh issledovaniiax [Myth of the "cultural code" in economic research]. *Voprosy ekonomiki*, 2015, no. 12, pp. 85–106.
3. Galbraith J.K. Economics and the public purpose. Houghton Mifflin Company Publ., Boston, 1973 [Russ. ed.: Gelbreit Dzh.K. Ekonomicheskie teorii i tseli obshchestva. Moscow, Progress Publ., 1979, 406 p.].
4. Stozhko K.P. Ekonomicheskoe soznanie [Economic consciousness]. Ekaterinburg, Ural. un-t Publ., 2002, 426 p.
5. Galbraith J.K. The New Industrial State. Houghton Mifflin Company Publ., Boston, 1967 [Russ. ed.: Gelbreit Dzh.K. Novoe industrial'noe obshchestvo. Moscow, AST Publ., 2004, 602 p.].
6. Marcuse H. One-dimensional man. Beacon press Publ., 1964, 257 p. [Russ. ed.: Markuze G. Odnomernyi chelovek. Issledovanie ideologii Razvito go Industrial'nogo Obshchestva. Moscow, REFL-book Publ., 1994, 386 p.].
7. Bulgakov S.N. Filosofiiia khoziaistva [Philosophy of economy]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 412 p.
8. Berdiaev N.A. O naznachenii cheloveka [On human mission]. Moscow, 1993, 430 p.
9. Sheler M. Polozhenie cheloveka v kosmose [Man's place in space]. Problema cheloveka v sovremennoi zapadnoi filosofii, Moscow, 1988, pp. 31–151.
10. Livshits R.L. Homo postsoveticus: upovaniia i real'nost' [Homo postsoveticus: hopes and reality]. *Mirovozzrenie i kul'tura*. Ed. by V.V. Kim. Ekaterinburg, Ural State University Publ., 2002, 508 p.
11. Kara-Murza S.G. Manipuliatsiia soznaniem [Consciousness manipulation]. Moscow, Eksmo Publ., 2005, 832 p.
12. Stozhko K.P., Stozhko D.K. Istoriia mirovoi ekonomicheskoi mysli [History of world economic thought]. Ekaterinburg, Azhur Publ., 2017, 588 p.

13. Ocherki istorii sovetskoi i kitaiskoi ekonomicheskoi mysli [Essays on the history of Soviet and Chinese economic thought]. Ed. by L.D. Shirokorad. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg university Publ., 1992, 320 p.
14. Toffler A. The third wave. Bantam Books Publ., 1980 [Russ. ed.: Toffler E. Tret'ia volna. Moscow, AST Publ., 1999, 784 p.].
15. Buchanan P.J. The death of the West. St. Martin's Griffin Publ., 2001, 320 p. [Russ. ed.: B'iukenen P. Dzh. Smert' Zapada. Moscow, AST Publ., 2003, 444 p.].
16. Stozhko D.K., Stozhko K.P. Istoriia sotsial'no-ekonomicheskoi mysli Rossii: XX vek. [History of socio-economic thought in Russia: XX century]. Ekaterinburg, Stiag" Publ., 2014, 586 p.
17. Reich R.B. Aftershock: The next economy and America's future. Knopf Publ., 2010, 192 p. [Russ. ed.: Raikh R.B. Posleshok. Ekonomika budushchego. Moscow, Kar'era Press Publ., 2012, 208 p.].
18. Istoriia ekonomicheskikh uchenii [History of economic doctrines]. Ed. by V. Avtonomov, O. Anan'in, N. Makasheva. Moscow, INFRA-M Publ., 2004, 784 p.
19. Bochko V.S. Krizis osnovnogo techeniia sovremennoi ekonomicheskoi teorii: sodержanie i sledstviia [Crisis of the main current of modern economic theory: Content and consequences]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2012, no. 2, pp. 12–20.
20. Churinov N.M. Sovershenstvo i svoboda [Perfection and freedom]. Novosibirsk, SO RAN Publ., 2006, 712 p.
21. Stozhko D.K. Mirovozzrencheskie osnovy sovremennogo institutsionalizma [Worldview bases of modern institutionalism]. Ekaterinburg, Stiag" Publ., 2012, 518 p.
22. Huntington S.P. The clash of civilizations. Simon & Schuster Publ., 1997 [Russ. ed.: Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsii. Moscow, AST Publ., 2003, 603 p.].
23. Khaiek F. Proiskhozhdenie i deistvie nashei morali [The origin and mechanics of our morality]. *EKO*, 1991, no. 12, pp. 177–192.
24. Strategiia natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [The national security strategy of the Russian Federation]. Adapted by Decree of the President of the Russian Federation of 31 December 2015 no. 683. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391>.

Оригинальность 89 %

Получено 03.03.2017   Принято 07.04.2017   Опубликовано 30.09.2017

D.K. Stozhko, K.P. Stozhko, N.N. Chelishev

**AXIOLOGY OF MODERN ECONOMY:
PROBLEM OF ECONOMIC CONSCIOUSNESS FORMATION**

The article considers the issue of values determination in modern economic consciousness and the role which various axiological systems play in the development of economic education and business culture. The axiological conditionality of economic behavior is interpreted by the authors as an antithesis of modern ideas of autopoiesis (spontaneous self-development). They connect this with the limitation of resources required for economic growth. The authors conclude that adaptive and cultural approaches should be developed in order to form the economic activity of business units.

The research claims it is reasonable to draw on the national axiological priorities in the development of economic system of education as well as in the economic policy implementation. It reveals the axiological hierarchy of various economic civilizations from socio-philosophical, civilization and cultural standpoints. The work lays emphasis on the development of human model as a subject of economic practice. It argues the idea of the discrepancy in the liberal neoclassical model of "economic man" and the modern conditions and national peculiarities. The research considers the issue of new theoretical and methodological model development of human economic behavior under the conditions of ever-increasing risks and uncertainty.

Keywords: axiology, spiritual code, business model, "economic man" model, values, economic education, economic consciousness, economic thinking.

Dmitry K. Stozhko – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Dept. of General and Economic History, Ural State Economic University, e-mail: d.k.stozhko@mail.ru.

Konstantin P. Stozhko – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Economic Sciences, Professor, Head of the Dept. of Economics and Business Management, Ural State Agricultural University, e-mail: kostskp@mail.ru.

Nikolay N. Tselishchev – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Dept. of Management and Law, Ural State Agricultural University, e-mail: tselischevnn@ya.ru.

Received 03.03.2017

Accepted 03.04.2017

Published 30.09.2017